
И. В. МИТИНА

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕОКУЛЬТУРА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Термин «глобализация» был предложен в начале шестидесятых годов прошлого столетия, но его содержание до сих пор не установлено. Более того, в последнее время употребление термина «глобализация» встречает растущее неприятие. С исторической точки зрения это вполне оправданно: редко возникают термины, получающие всеобщее признание с момента появления. Тем не менее глобализация – это реально существующий процесс, хотя дискуссии об объяснительных возможностях современных теорий и содержании самого термина продолжаются.

Объект моей статьи – анализ не содержания термина или какой-либо из формирующихся ныне теорий глобализации, но одной из проблем глобализационного процесса, а именно проблемы культурных аспектов глобализации и возможности становления глобальной культуры. Актуальность данной проблемы очевидна: сегодня зачастую именно культурные факторы становятся причиной глобализационных неудач, и, видимо, их значимость в процессе глобализации будет возрастать.

Глобализация как цивилизационный «ответ» и «вызов»

В начале XX в. вера в прогрессивные идеалы модернити способствовала появлению в трудах ученых и философов оптимистичных проектов возможного будущего. Казалось, что развитие человечества направлено к созданию сферы духа и разума, получившей в трудах Э. Леруа и В. И. Вернадского название «ноосферы». Однако последующее развитие человечества, его экспансия в биосферу уже в середине XX в. обернулись цепью проблем, впоследствии получивших название глобальных. По моему мнению, появление глобальных проблем – это тот цивилизационный «вызов», «ответом» на который и стала глобализация. В понимании роли «вызовов» и «ответов» в развитии человеческой цивилизации я опираюсь на теории А. Дж. Тойнби. С точки зрения А. Дж. Тойнби, любой

История и современность, № 1, март 2007 123–137

вызов, исходящий как от природного, так и от человеческого, социального окружения, оказывает стимулирующее действие на развитие цивилизации. «Вызов побуждает к росту, – пишет А. Дж. Тойнби. – Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» (Тойнби 1991: 119–120). Отсутствие «вызовов», по Тойнби, поощряет прекращение роста и развития цивилизации, в то время как творческая работа по созданию «ответов» совершенствует ее и обогащает.

На мой взгляд, следует понимать, что глобализация – это этап, веха, но не конечный пункт эволюции человечества. Поэтому глобализация не является и не может являться целью. Она всего лишь средство решения накопившихся проблем человечества, «ответ» – или поиск ответа – на очередной кризис цивилизации. Процесс глобализации – это своеобразный поиск механизмов, которые могли бы регулировать фактическую активность человечества посредством глобальных экономических и политических институтов. Понимаемая таким образом, глобализация становится частью европейской рационалистической традиции и одновременно продолжает дальнейшую рационализацию жизни. Возможно, этот акцент на рациональных принципах организации вызывает неприятие у представителей тех культурных традиций, которые привыкли к иным принципам социокультурной жизни.

Но и внутри западной мысли идея создания глобальной экономики, или геоэкономики, и перехода к глобальному управлению как средствам решения назревших проблем пришла не сразу. В конце прошлого века активно обсуждались иные сценарии возможного будущего, в том числе алармистские и антирационалистические. В гуманитарном знании появились теоретические обоснования контркультурных и эскапистских движений. Однако в итоге интеллектуальных споров возобладал тот подход к решению глобальных проблем человечества, который был генетически связан с магистральной линией западной интеллектуальной традиции: вера в силу разума, способность человеческого сообщества к прогрессивному развитию, приверженность универсальным гуманитарным ценностям. Действительно, в конце исторического периода модернити мы узнали, что не только сон разума может порождать чудовищ. Бодрствование разума иногда бывает гораздо более опас-

ным, но это не причина возвращать разум в состояние сна. Напротив, необходимо совершенствовать способы мышления и содержание наших идей.

Хочется подчеркнуть, что глобализация как адекватный «ответ» на очередной цивилизационный «вызов» совпадает с основной тенденцией социально-исторического развития человечества. Эта тенденция была названа Ф. А. фон Хайеком «расширяющимся порядком человеческого сотрудничества», в ходе которого происходил «не только процесс обмена, но и процесс образования общежития – *из врагов превратиться в друзей*» (Хайек 1999: 57). Действительно, на протяжении предшествующих эпох человеческое сообщество постепенно переходило от внутренних, племенных форм организации жизни к более широким, хотя и локальным, национальным, а затем интернациональным формам кооперации. Теперь настало время перехода от межнациональных к глобальным формам кооперации. Такие переходы всегда реализовывались с помощью расширения обмена, без персональных контактов. И поэтому наивысшие успехи глобализации также связаны в первую очередь с процессом преодоления границ и барьеров в экономической, торговой, финансовой сферах. Одновременно в этом можно усмотреть и проявление той исторической закономерности, которая была отмечена А. Дж. Тойнби: «Так, экономический элемент воспринимается чуждой культурой с наибольшей готовностью, за ним следует политика, а на последнем месте оказывается культурный элемент» (Тойнби 1991: 119–120). Видимо, реальный процесс глобализации, начавшись с широкой пространственной торгово-экономической и финансовой экспансии, достиг сегодня тех пределов, которые стали затрагивать глубинные культурные элементы. Итак, глобализация – это «ответ» на многие «вызовы» наших дней, в первую очередь социально-экономические, экологические, демографические, военно-политические. Глобализирующаяся экономика и глобализирующаяся политика справляются с этими задачами по-разному. Но в целом человечество нашло в глобальных структурах приемлемые формы адекватного реагирования.

Однако я рассматриваю глобализацию не только как «ответ», но и как новый «вызов», поскольку сама она создает новые проблемы для будущего человечества. Я остановлюсь на одной из этих проблем – проблеме глобализации в сфере культуры. На протяже-

нии длительного периода времени многие исследователи считали, что процесс глобализации может быть описан с использованием только двух параметров – экономики и политики. Так, например, И. Валлерстайн в работах конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия утверждал, что параметр культуры только усложняет анализ глобализации. Действительно, такое усложнение имеет место, но в то же время анализ глобализации при учете параметра культуры начинает приближаться к реальной сложности жизни: ведь в действительности культурные факторы глобального взаимодействия всегда присутствуют и оказывают существенное влияние на принятие и реализацию экономических и политических решений. Поэтому нельзя согласиться с валлерстайновской оценкой принципа бинаризма как основы развития процессов социальной реальности и их теоретической рефлексии. Думается, в большей степени правы те исследователи, которые полагают бинарность выражением определенной, а именно упрощающей, традиции нашего мышления и обосновывают необходимость перехода к иной – тринитарной – методологии. Являясь более гибкой, более мягкой, более объемной, она гораздо лучше подходит для изучения и, главное, построения сложных объектов. Сегодня сопротивление глобализации исходит преимущественно со стороны культурных характеристик и аргументов. Недаром культурные аспекты глобализации привлекают повышенное внимание исследователей. Не случайно И. Валлерстайн в работах последнего времени называет культурологические исследования, наряду с синергетической парадигмой, наиболее фундаментальным и неординарным вызовом традиционным обществоведческим парадигмам (Валлерстайн 2003: 212–225).

Глобализация часто определяется не только как возрастание взаимозависимости, но и как процесс универсализации и гомогенизации. Но универсум культур – субглобальных, региональных, локальных, – формирующийся в настоящее время, сопротивляется культурной унификации. Иногда сопротивление принимает достаточно жесткие формы. Мы наблюдаем повсеместный всплеск интереса к культурным «корням», к проблемам идентичности, культивирование этнических, возрастных, гендерных, сексуальных и иных различий, рост религиозного фундаментализма. В «первом» мире он дополнен разного рода альтернативными и контркультурными движениями. Игнорирование этих процессов неизбежно приводит к

политическим промахам и упущениям. Вот почему те культурные проблемы, с которыми сталкивается развивающаяся миросистема, можно квалифицировать как очередной цивилизационный «вызов». Какой «ответ» будет выработан глобальным сообществом, пока предвидеть сложно. Но ясно одно: проблемы культуры – ни в теоретическом, ни в практическом плане – не могут более оставаться на периферии нашего внимания.

Геокультура: глобальная культура или культура культур?

Многие исследователи полагают, что процесс, именуемый ныне глобализацией, начался много раньше. Предлагаются разные точки отсчета и разные периодизации. Интерпретации содержания глобализационного процесса варьируются в зависимости от культурной принадлежности исследователя: западные авторы обычно определяют глобализацию как распространение по всему миру влияния Запада; восточные, например А. Сен, чаще склонны искать поступь глобализации в распространении по миру таких культурных достижений, как печатный станок, бумага, порох, компас, подвесной мост, тачка, арбалет или веер (Sen 2002). В принципе, в такой разноголосице нет ничего страшного, можно даже предположить, что концепции, подобные сеновской, выполняют важные функции – от адаптирующей до компенсаторной. Хотя, строго говоря, приводимые им примеры есть, скорее, проявления культурной диффузии и культурного заимствования. Можно ли считать их принадлежностью процесса глобализации? Да, если они являются частью общей системы социокультурных паттернов – и не только вещных, но в первую очередь поведенческих и ментальных, завоевывающих новое социокультурное пространство. Нет, если культурная диффузия и культурное заимствование ограничиваются передачей некоторых конкретных образцов человеческой жизнедеятельности.

И здесь мы вплотную подходим к основной проблеме нынешнего этапа глобализации – проблеме так называемой геокультуры. Я говорю «так называемой», поскольку такое понятие хотя и не часто, но встречается в теоретических исследованиях. В наши дни синхронизация экономических, политических и культурных параметров процесса глобализации необходима одновременно и для принятия адекватных решений в рамках текущих событий, и для научных прогнозов будущего; исследователи выдвигают вопрос о сущности геокультуры, то есть культуры глобализирующегося че-

ловечества, в качестве фундаментального. На мой взгляд, в данном контексте употребление концепта «геокультура» более предпочтительно, поскольку указывает только на всепланетное распространение, но не на какое-либо специфическое содержание культуры (сугубо североамериканское, западноевропейское, дальневосточное, арабо-мусульманское или какое-либо еще). Такое использование концепта «геокультура» позволяет обсуждать различные подходы к его интерпретации и практической реализации.

Можно обозначить два главных подхода к решению проблем геокультуры. Один из них интерпретирует геокультуру как глобальную культуру, то есть гомогенное образование, другой – как культуру культур, то есть гетерогенный конгломерат сосуществующих культур. Различение этих двух подходов обусловлено, на мой взгляд, различиями в понимании термина «культура». Что такое культура? Какие характеристики можем мы использовать для ее определения – внешнее, изменчивое, легко поддающееся инокультурным воздействиям или внутреннее, устойчивое, саморазвивающееся? Понимание геокультуры как глобальной культуры основано на первом варианте ответа, понимание геокультуры как культуры культур – на втором. Рассмотрим позитивные и негативные аспекты данных подходов с точки зрения глобальных интересов человечества.

Что более предпочтительно для устойчивого развития глобального сообщества? На первый взгляд проект глобальной культуры – более привлекательный и легко реализуемый, тем более что глобализация действительно включает процесс распространения западного влияния во всем мире, а современные средства массовой информации и коммуникации, кажется, могут выполнить эту задачу безо всяких усилий. Однако на практике именно такой подход вызывает наиболее активное сопротивление. В чем причина этого явления?

Несомненно, позитивным моментом данного подхода является желание перенести более эффективные и рациональные, с точки зрения носителей западной культурной традиции, принципы жизненной активности, более разумные и приемлемые для глобального сообщества ценности. Однако некоторый социальный конструктивизм, то есть стремление к планомерному управлению человеческими отношениями, несомненно присутствующий в данном под-

ходе, явно обрекает его на неудачу. Социальные конструктивисты не принимают в расчет устойчивость социальных верований и вариативность социальных фактов, которыми они собираются управлять. Не случайно эта интерпретация геокультуры сегодня не принимается и не разделяется нигде в мире, за исключением, пожалуй, ареала ее создания.

Осложняющим восприятие геокультуры как глобальной культуры фактором является ее преимущественная опора на либеральную культурную традицию, важнейшими составляющими которой являются: универсальность гражданских прав и свобод, освобождение от ограничений традиции, плюрализм ценностей, верований и образа жизни, приоритет индивидуальной свободы над общинными и общественными интересами и требованиями, единство мышления и действия, интеллектуализм и вера в единство и неизменность разума всех мыслящих существ, приоритет разнообразия и открытых возможностей, разделение властей и ограничение всякой власти. Сегодня мы должны признать: все эти конституирующие признаки либерализма в наивысшей степени способствуют социальным переменам. Но возможна ли трансляция и передача только одного или нескольких культурных компонентов данной культурной традиции в другие культурные регионы? Несомненно, либерализм – важнейшая часть западной культуры, детерминирующая многие политические, социальные и экономические практики. Но либерализм не идентичен западной культуре в целом и не исчерпывает ее. Напротив, либеральная культурная традиция есть производная западной культуры, сформировавшаяся в результате длительного исторического развития, в эпоху Нового времени. Б. Кроче, определяя либеральную концепцию жизни, видел в качестве ее теоретического фундамента всю философию и всю религию Нового времени: «На этом теоретическом фундаменте складывается практическое либеральное отношение доверия и благосклонности к разнообразию тенденций, которым желательно предоставить открытый простор, дабы они соревновались и мерялись силами между собой, сотрудничали в согласном несогласии, вместо того чтобы ставить преграды и обуздывать, подвергать их ограничениям и стеснениям» (Кроче 2000: 324–325). Однако на Западе наряду с либеральной сосуществуют и конкурируют консервативная и коммунитарная традиции, так что индивид может выбирать и даже сочетать элементы

разных концепций. Кроме того, культура не исчерпывается одной составляющей – природно-географической, технико-технологической, мировоззренческой или какой-либо еще – и не детерминируется ею. Сущностно связанная с человеческой жизнедеятельностью – и идеальной, и материальной, – культура столь многообразна, что само ее определение есть сложно решаемая теоретическая проблема. Многие из культурных практик формировались на протяжении столетий и стали природой западного человека, поскольку культура, усваиваясь, имеет обыкновение превращаться в натуру. Культура сущностно связана с человеческой активностью – одновременно и идеальной, и материальной, следовательно, культура определяет все личностные практики, как осознаваемые, так и неосознаваемые. Будучи определенной конфигурацией ценностей, культура создает не только внешний событийный ряд, но и подразумеваемую, имплицитно содержащуюся в ней систему верований и действий. Вот почему серьезные исследователи универсализацию еды, моды, развлечений называют очаровательной, но забавной и незначущей игрой на заднем дворе. «На этом уровне люди могут позволить себе быть восприимчивыми к различного рода иностранному влиянию», – пишут Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин (1992: 139). Но перспективу культурного империализма, каналами которого служат в первую очередь английский язык и средства массовой информации и коммуникации, эти же исследователи расценивают как взрывоопасное и противоречивое явление, вызывающее у реципиентов чувство недовольства. «Развлекательные представления при помощи таких средств, как язык и образы, переходят через границы поверхностного обмена в область ценностей. Они проникают прямо к нравственному образу культуры, обращаясь к ее основополагающему духу, который отображает его веру и обычаи» (Нэсбитт, Эбурдин 1992: 158).

Культура любой группы или сообщества не есть нечто внешнее и поверхностное, что поддается перекомбинированию столь же легко, как и игрушки «лего». Весьма вероятно, что тонкому слою изысканных интеллектуалов такая игра культурами, стилями, эпохами, жанрами способна доставлять высочайшее наслаждение и служить источником творческих новаций. Но для огромного числа индивидов их культура – это то, что столетиями передавалось из поколения в поколение, что закреплено генетически и освящено

памятью предков. Культура в этом случае отождествляется с историей, причем с успешными или даже великими моментами исторического опыта. Более поздние приобретения культуры в моменты исторических неудач начинают восприниматься массовым сознанием как основные причины этих неудач. Для большинства культур есть нечто сакральное, она связана с культом (или культурами). Потому посягательства на культурные символы, даже, казалось бы, «уснувшие» в веках и актуально не работающие в современности, способны быть сильнейшими детонаторами мощных протестных движений. Потому столь взрывоопасны ценностные новации и столь печальна судьба культурных новаторов. Сознание большинства нормально функционирует только в режиме привычных взаимодействий.

Можно добавить, что несоответствие экспортируемых Западом моделей потребления моделям культурного производства принимающих стран является опасным. Рекламируемый Западом высокий уровень стандартов потребления, жизненный комфорт есть следствие культурных практик, отсутствующих в странах «второго» и «третьего» мира. Невозможно иметь уровень и качество жизни одной цивилизации, а ценностные ориентации и поведенческие стереотипы – другой. Такое сочетание не приводит к продуктивным результатам. Напротив, оно часто способствует росту раздражения и необоснованных претензий.

В любом случае мы можем констатировать, что, существуя в качестве теоретического конструкта, геокультура не присутствует в современном мире в качестве реально функционирующей системы. Универсум культур, сложившихся к настоящему времени, отвергает культурный универсализм. И отвергает иногда в очень жестких формах. Растет число и влияние теорий культурного фундаментализма и изоляционизма, увеличивается количество организаций, выступающих за сохранение культурной самобытности.

Другая интерпретация геокультуры – как культуры культур – утверждает необходимость сосуществования и развития всего множества культур. Исследователи, работающие в данной парадигме, строят свои рассуждения на двух следующих посылах: 1) девиз «один над многими» («one over the many») опасен; 2) идеи космополитизма и глобализации обладают внутренним родством. В рамках данного подхода отстаивается право каждой страны заботиться

о сохранении собственных культурных ценностей. Понятие «глобальное культурное наследие» понимается здесь как совокупность национальных и этнических культурных ценностей.

Если рассматривать культуру как ансамбль когнитивных, символических и ментальных систем, станут понятны пределы пластичности социокультурной организации и пределы варибельности поведенческих паттернов индивида. Эта пластичность и варибельность явно ограничиваются интернализированными в процессе «естественных отношений» повседневного мира ценностями, практиками и предпочтениями. Возможна ли их модификация и трансформация? Конечно, да. Но это станет результатом длительного эволюционного процесса, в ходе которого культурные ценности, паттерны и предпочтения присваиваются и адаптируются. Такие модификации и трансформации характерны для развития любой культуры. Это естественный процесс, и он не является проблематичным.

Проблема состоит в том, что дальнейшее развитие сосуществующих ныне на земном шаре культур должно определяться некоторыми общими правилами. Ни одно сообщество не образовывалось и не может образоваться без определенной степени общности, более того, сходства. Но сосуществующие в сегодняшнем мире культуры не просто разнообразны, их нормативно-ценностные системы часто взаимоисключающи. Это может привести к культурным конфликтам и цивилизационным столкновениям, а в итоге история создания геокультуры будет напоминать историю создания Вавилонской башни.

Принципы для глобального сообщества, культивирующего различия

Любое культурное разнообразие должно поддерживаться неким объединяющим смысловым началом. Нормы, ценности, практики, предпочтения – одним словом, конкретные образцы какой-либо из культур могут стать таким объединяющим началом в самую последнюю очередь. Важнейшая функция культуры – объединяя «своих», отделять «чужаков». С помощью культуры хорошо проводить границы – между этносами, классами и стратами, половыми и возрастными общностями и т. д. Но объединять людей, по крайней мере на начальных этапах складывания нового типа культуры, видимо, могут только абстрактные правила индивидуального пове-

дения. Не ставя перед человеком конкретных задач, они, как показал Ф. А. фон Хайек, гарантируют индивиду лучшие возможности личных достижений, одновременно проводя культурную селекцию. «Открытие такого порядка вещей, когда люди могут мирно жить, не устанавливая при этом императивные цели и субординацию, привело к созданию Великого общества. Вместо навязываемых сверху конкретных целей люди приняли абстрактные нормы поведения. Так удалось расширить мирное сосуществование далеко за пределами маленьких групп, ибо каждому стало доступно извлекать пользу из знаний и умений других людей с совершенно иными целями» (Хайек 1999: 58).

Так какими абстрактными принципами может руководствоваться мир, решивший одновременно стать глобальным сообществом и культивировать различия? На наш взгляд, такими принципами могут стать принципы толерантности и культурной открытости.

В основе принципа взаимной толерантности лежит понимание несовершенства любого жизненного стиля и признание права любой личности или сообщества на свободный выбор и изменение собственной жизни. Фундаментальная идея толерантности, как показал Дж. Грей, состоит в признании права на существование тех форм жизни, которые мы считаем неправильными или нежелательными. Толерантность основывается на моральных верованиях, на нашей способности к различению добра и зла, но не на насильственном навязывании наших собственных критериев другим. Политика толерантности предполагает адаптацию к локальным условиям, нормам и готовность к взаимным уступкам на протяжении всей нашей совместной жизни: «...толерантность является предпосылкой любого стабильного *modus vivendi* среди неисправимо несовершенных существ» (Грей 2003: 45). Поскольку в обществе сосуществуют не согласующиеся друг с другом, но одинаково прочные моральные установки и конкурирующие концепции благой жизни, политика толерантности, считает Дж. Грей, наиболее благоприятна для мирного сосуществования. «Самый надежный путь к обретению долгожданной свободы – это умерить свои требования друг к другу и научиться терпеливо сносить наши различия. Тогда в случае разногласий мы будем идти на компромиссы и достигать соглашений – подходящих для нас сегодня, а не на все времена – вместо того, чтобы настаивать на собственных (всегда мнимых)

правах человека. Как ни странно, обнаружится, что именно благодаря терпимому отношению к нашим различиям мы поймем, как много у нас общего» (Грей: 67). Толерантность к нашим различиям помогает в конечном итоге понять наш общий характер.

При всей разности людей, их обычаев, нравов и ценностей они онтологически равны. Принадлежат к единому человеческому роду, каждый человек понимает, что быть человеком означает, в том числе, следовать определенным идеалам и реализовывать их в системе повседневных действий и взаимодействий. По мнению И. Берлина, формы человеческой жизни, человеческие цели и нравственные принципы могут быть многочисленны и вариативны, но не до бесконечности: все они находятся в пределах человеческого опыта. Именно поэтому разные цивилизации, считает Берлин, принципиально не могут быть взаимонепроницаемыми. «Взаимное общение культур, – пишет Берлин, – возможно только потому, что то качество, которое делает людей людьми, свойственно им всем и является как бы мостом между ними. Но наши ценности принадлежат нам, а их ценности – им. Мы вольны критиковать ценности других культур, осуждая их, но не можем притворяться, будто вообще их не понимаем, не вправе рассматривать их как чисто субъективные ценности, созданные существами, живущими в совершенно иных условиях и имеющими совсем иные, чем у нас, вкусы, и которые поэтому ни о чем нам не говорят» (Берлин 2002: 14). В ситуации конфликта ценностей следует не драматизировать ситуацию, а терпеливо и последовательно искать точки соприкосновения. Такой подход особенно важен в ситуации глобальной взаимозависимости, когда культурные контакты каждодневны и неизбежны. Самое главное, они благотворно сказываются на любой из контактирующих культур и разрешаются, при условии, что контактирующей культуре дано право самой осуществлять культурный отбор.

Принцип взаимной культурной открытости означает готовность к культурным контактам и культурным заимствованиям, что постепенно может модифицировать локальные культуры и сформировать новую, глобальную, идентичность. Культурная открытость основана на универсальном равенстве и подразумевает определенное равновесие между универсальными и локальными ценностями. Сеть культурных контактов способна преобразовать нативистские культуры, при условии что они придерживаются принципа взаим-

ной культурной открытости. Реализация этого принципа расширяет гражданские и политические права и свободы, позволяет соединить различные культурные миры и социальные горизонты. Можно видеть различные модели жизни по телевидению, в кино или на видео, можно читать о них в печатных или электронных газетах или журналах. Но это новое знание станет частью жизненного опыта только в результате выбора и ассимиляции новых правил социальной жизни и новых правил индивидуального поведения. Культурная открытость, содействуя реинтерпретации собственного социального контекста и принятию новых культурных ценностей, изменяет и саму личность, и ее социокультурное окружение. Важно, что процесс трансформации носит при этом спонтанный, лишенный принудительности характер. Разумеется, возможность конфликта существует всегда. И конфликта не только культурных принципов, но и экономических потребностей или политических интересов. «Но выхода нет: нам по-прежнему придется принимать решения, и моральный риск будет порой неизбежен. Все, что от нас требуется, это чтобы мы не пренебрегали ни одним фактором, относящимся к делу, чтобы цели, которые мы хотим достигнуть, понимались как элементы всеобъемлющей формы жизни, которая может быть улучшена или повреждена в результате принятых нами решений» (Берлин 2002: 22). Так следует ли вообще пытаться преднамеренно сконструировать представление о геокультуре? Или надо признать преимущество ее свободного и спонтанного роста на основе отбора эффективных и привлекательных культурных паттернов?

Если мы признаем, что культура каждого этноса, каждой социальной группы, каждого поколения никем сознательно не планируется, но спонтанно вырастает, мы должны признать продуктивность спонтанности и для формирующейся геокультуры. Мы не в состоянии заранее решить, какие культурные модели будут признаны предпочтительными и окажутся принятыми всем мировым сообществом. Мы не можем предвидеть скорость их распространения, степень принятия или отвержения, а тем более продуктивность внедрения в том или ином культурном регионе. Мы можем лишь предполагать, что культурная империя будет, скорее, построена в результате стратегии инклюзии, и это в наибольшей степени соответствует моральным принципам, поскольку «попытка загнать людей в аккуратно сшитые униформы, как требуют того верующие в схемы догматики, почти всегда ведет к бесчеловечности. Мы мо-

жем делать только то, что можем – но это мы должны делать, не-взирая на трудности» (Берлин 2002: 23).

Каковы сильные и слабые стороны этих принципов? На наш взгляд, совместное действие этих принципов способно серьезно ограничить как идеологию культурной гегемонии, так и идеологию культурной изоляции. Культурный отбор наиболее эффективных практик может получать при этом необходимую степень региональной и поколенческой вариабельности, а скорость распространения и внедрения инноваций детерминируется в этом случае как персональными характеристиками человеческого интеллекта и активности, так и наличием соответствующих политических свобод и социальных институтов. Ни личностная энергия и предприимчивость, ни институционализированные политические инициативы не могут по отдельности привести к позитивным результатам. Любые единичные и незначительные формы индивидуальной активности должны находить поддержку в системе политических прав и свобод, в то время как установленная социальными институтами система вознаграждений призвана делать активность такого рода привлекательной для большинства.

Процессы глобализации протекают в условиях сосуществования различных типов экономических порядков и противоречащих друг другу политических систем. При этом нормальные процессы интернациональной конкуренции обременяются идеологическими разногласиями, конфронтацией культурных и религиозных традиций. Приверженность принципам взаимной толерантности и взаимной культурной открытости создает необходимую предпосылку совместности действий экономики, политики и культуры. Конечно, эти корреляты могут казаться слишком слабыми. Но на протяжении последнего времени мы уже смогли не единожды убедиться в неэффективности, неработоспособности и нежизнеспособности силовых решений. Вот почему пришла пора испытать истинность теорий, утверждающих силу слабых воздействий.

Выводы

Одной из серьезных проблем реализации процесса глобализации является сегодня проблема определения пути культурного развития человечества. Понимание глобализации как универсализации и гомогенизации культуры может привести к культурным конфликтам, а в перспективе к «столкновению цивилизаций»

(С. Хантингтон). В этой связи важно определить предпочтительную парадигму совместного культурного развития глобализирующегося человечества. Мы можем видеть наличие двух основных подходов к решению данной проблемы: 1) геокультура как глобальная культура, то есть культура западного типа, основанная на комплексе либеральных ценностей; 2) геокультура как культура культур, то есть многообразно свободно развивающихся, но модифицирующихся культур. Проект глобальной культуры более рационален, но не принимает в расчет стабильность существующих культурных традиций, в том числе традиций иррациональных. Проект культуры культур, с учетом реальной сложности социокультурных трансформаций, ориентирован на долговременные культурные интеракции. В любом случае мы должны определить базовые принципы интеркультурных контактов. По моему мнению, такими принципами могут стать принципы взаимной толерантности и взаимной культурной открытости, создающие благоприятные условия для диалога и открытой для всех кооперации различных социокультурных и политико-экономических систем.

Литература

- Берлин, И.** 2002. *Поиски идеала. Подлинная цель познания. Избранные эссе* / пер. с англ. М.: Канон+.
- Валлерстайн, И.** 2003. *Конец знакомого мира: Социология XXI века* / пер. с англ. М.: Логос.
- Грей, Дж.** 2003. *Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности* / пер. с англ. М.: Праксис.
- Кроче, Б.** 2000. *Либеральная концепция как концепция жизни. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.)*. М.: Прогресс-Традиция.
- Нэсбитт, Д., Эбурдин, П.** 1992. *Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы* / пер. с англ. М.: Республика.
- Тойнби, А. Дж.** 1991. *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.
- Хайек, Ф. А.** 1999. *Познание, конкуренция и свобода*. СПб.: Пневма.
- Sen, A.** 2002. «How to Judge Globalism», *The American Prospect*. *The American Prospect online* 13.1, January 1.